

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С удовольствием откликаясь на просьбу дирекции института философии РАН предоставить рукопись кандидатской диссертации моего ближайшего друга А.А. Зиновьева «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К.Маркса» для публикации к 80-летию юбилею автора, я хотел бы сказать несколько слов об атмосфере, в которой происходило написание и защита этой работы. Речь идет не об анализе ее содержания и роли в отечественной философии, хотя такое исследование само по себе было бы в высшей степени актуальным и я надеюсь, что кем-нибудь и когда-нибудь оно будет осуществлено, а именно об атмосфере духовной среде ее появления. Это были конец 40-х — начало 50-х годов теперь уже прошлого века.

В понимании познания советские философы в те годы руководствовались ленинской формулой: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. В этой формулировке, которая кажется очень прозрачной, ясной, четкой, в действительности скрывается, затушевывается, замазывается, заговаривается суть процесса мышления. На самом деле процесс мышления идет не так. Он может идти от живого созерцания, а может идти от опыта, который есть итог, совокупность всего тобою наблюденного в жизни. Из этого опыта черпаются, собственно говоря, и интеллектуальные задачи, и никакого конкретного здесь нет, здесь есть, наоборот, некий навал явлений, фактов, переплетений, сумятица, в которой еще трудно разобраться. И все это становится достоянием твоих чувств, твоего воображения. В канонизированных в те годы текстах классиков была и работа Маркса «К критике политэкономии», где во введении говорится о восхождении от абстрактного к конкретному, конкретное понимается как конкретное в мышлении, синтез многих абстрактных определений. Думающие люди, в частности мы, студенты, терялись: «Как же так? Нам учили по Ленину, от живого созерцания, то есть от чего-то конкретного я иду к абстрактному мышлению, а потом возвращаюсь к практике не для того, чтобы смотреть, а для того, чтобы уже действовать. А Маркс задает иной, прямо противоположный ход познавательного процесса. Это возникшее в литературе, а затем и в преподавании расхождение очень сильно действовало на людей, которые приобщались к философии.

В ленинской схеме пропускаясь важнейший этап мыслительной работы человека, а именно, усвоение конкретного в мышлении. Конкретное есть в двух видах или существует в двух видах: конкретное вне тебя, и причем то конкретное, которое не обязательно ты должен рас-

кусить познать — а вот оно есть. Этих конкретностей чрезвычайно много. А есть некое конкретное, которое обретает определенность, когда человек ставит перед собой какую-то определенную интеллектуальную задачу. И тогда все переворачивается, и исходным материалом становится не то единичное конкретное, с которым ты сталкиваешься, а тысячи или более чем тысячи реальных наблюдений, твоих прошлых знаний, знаний, накопленных до тебя и зафиксированных в литературе и так далее. И это все разбросанный, несобранный материал. И мне кажется, что начинается все с того, что человек, перед которым стоят познавательные задачи, сначала неким образом группирует элементы реальности, которые он наблюдал, о которых он читал, слышал, думал и так далее. И вот в ходе обработки этого невероятного огромного жизненного материала, который может накапливаться в течение десятков лет, он вытаскивает некоторые определения, которые являются совершенно абстрактными. Это — всегда целый набор абстракций, которые вычленяются человеком из предстоящего опыта, с помощью фантазий, чувства, воображения и т.д., и благодаря которым опыт как бы поднимается на более высокий уровень сознания, лучше даже сказать, на уровень «второго» сознания, сознания о сознании, потому что материал первичного опыта — это тоже материал сознания. На этом втором уровне только и начинается истинно человеческое мышление. И это первая операция, которую человек осуществляет. На втором этапе познания он сталкивается с массой осуществленных им абстракций, абстрагирования, определений, дефиниций, каждый из которых вычленяет какую-то одну сторону, одно свойство какого-то объекта, не обязательно конкретного, живого. Но как соединить эти абстракции, чтобы потом в результате, получить то, что мы ищем. Здесь, на мой взгляд, опять-таки вмешивается снова опыт, я в данном случае имею в виду опыт, как его понимал Эйнштейн, опыт, как некий итог жизненного познавательного процесса человека, который направляет мысль к соединению этих самых абстракций. Потом уже, после того, как ты понял примерно направление соединения абстракций встает вопрос, как их соединять. Здесь важно наличие некоторых тоже вне данного процесса, а в методологии, совершенного другой дисциплине, разработанных методов, приемов, соединения абстракций для получения органического целого, для воспроизводства конкретного в самом сознании. Собственно наличие конкретного в сознании в отличие от конкретного в самой действительности и абстракции в сознании — это то, о чем сказал Маркс, и то, что у нас, в советской философии очень четко зафиксировал Ильенков. Он об этом написал, произведя невероятное впечатление на всех, включая и профессуру, которые призывали к ленинской формулировке из «Материализма и эмпириокри-

тицизме» о человеческом познании: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Но Ильенков не говорил о том, как абстракции суммируются в конкретное.

В отличие от Ильенкова, который просто зафиксировал этот непохожий на утвержденный Лениным порядок познания человеком мира, после того как это всех оглушило, огорошило, удивило, и возразить ничего не могли, последовал второй удар, мощнейший, когда А.А. Зиновьев предложил саму методологию восхождения от абстрактного к конкретному. Найти ее у Маркса невозможно, ее нет. Она у него есть в том смысле, что внутренне присутствует в самих рассуждениях, в тексте «Капитала», но ее нет как выявленной, как вычлененной, как представленной особым образом логики. Разработал ее Зиновьев. Как Маркс начал с товара, который есть исходная клеточка, а потом из нее вытащил все противоречия и дошел до капитала — вот точно также Зиновьев нашел исходную клеточку в методологии и затем, шаг за шагом фиксируя каждый раз в соответствующей категории, раскрыл логический механизм получения конкретного знания.

Вот, собственно говоря, то, что сделал Зиновьев в отличие от Ильенкова. Ильенковский вклад имел значение, но то, что сделал Зиновьев — это было вообще невероятное, потому что никому в голову не приходило, насколько мне известно, не только у нас, но и на Западе, среди тех, кто занимался диалектикой Маркса. Только говорили: «Существует не только формальная логика, а существует еще диалектическая логика. А какая она, диалектическая логика?» Зиновьев первый показал, что диалектическая логика, оказывается, есть, и диалектическая логика — именно логика, аналогом которой может быть развитие общества, именно общества, ибо диалектика природы, как считал и доказывал уже в те годы Зиновьев является выдумкой Энгельса и свидетельствует о непонимании сути дела, но исходным материалом которой является само мышление. Мыслить логикой диалектической — вообще, не есть всеобщее достояние в отличие от логики формальной. Сложные этажи, высокие этажи формальной логики, они тоже не доступны человеку неподготовленному, и тем более это касается диалектической логики, которая предполагает сознательное усвоение методологии, сознательное усвоение категорий этой диалектической логики, которая совсем не похожа на законы «исключенного третьего» и т.д. Все что придумал Аристотель, все, что придумали вслед за Аристотелем знаменитые формальные логики — все это для диалектической логики не годится. Пионером создания диалектической логики, конечно, в общем-то, является Гегель. Начатки ее в антиномиях Канта тоже можно рассмотреть. Несомненно, антиномии — это зародыши понимания диалектической логики, но по-настоящему разработал диалектическую логику, конечно, только Гегель. И развитую форму при-

дал ей Маркс. Но Маркс спрятал ее в исследование конкретного предмета, а именно, политэкономии капитала. Зиновьев проделал как бы обратную работу — расколдовал эту политэкономии под углом зрения того метода, с помощью которого и был построен весь «Капитал». «Капитал» весь может пойти к чертям, ничего не стоит, он может быть ошибочным от начала и до конца. Но не ошибочным остается метод, который был применен и который был выявлен таким образом. Чтобы проделать эту работу Зиновьев, как он мне тогда сам говорил, прочитал «Капитал» 16 раз. С цифрой я могу ошибиться, может быть, восемнадцать, но то, что это не шесть и не десять, я это помню очень хорошо. Он сейчас, может, сам забыл, сколько раз он читал, но в наших беседах в ответе на этот вопрос мне запомнилась цифра 16. Мы не уточняли — три тома или не три тома. Я думаю, что три-то тома наверняка. Но вряд ли четвертый.

Учились мы не в самое благоприятное время для изучения философии. Когда Сталиным была объявлена книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — вершиной марксистской философии, написанная для «Краткого курса истории ВКП(б)» самим Сталиным глава «О диалектическом и историческом материализме» считалась высшим достижением философии. Изучать философию было очень трудно, ибо всякое несогласие с этим, всякое отрицание этого, всякое самостоятельное толкование, конечно же, встречало резкий отпор со стороны преподавателей и самих студентов. И в этих условиях Зиновьев проявил невероятное мужество мысли и человеческое мужество. Зиновьев был студент 3-его курса, и у него, у студента, уже тогда были ученики. Что значит ученики? Чему он учил? У него не было никакого особого предмета, он учил философии. Учил философии, учил критическому отношению к тем оценкам истории философии или фигур философских, которые навязывались курсом философского факультета. Вот так бы я сказал. И особенно это касалось марксистско-ленинской философии. К примеру, он говорил мне в 48-м, примерно, году, что первым вульгаризатором марксизма был Энгельс. Я отвечал: «Саша, побойся Бога, как так? Вот Энгельс сделал то-то, то-то...». Все это правильно, продолжал он, но ты почитай его «Диалектику природы», — ведь это совершенный бред, вся диалектика природы надуманна, ты что-нибудь подобное у Маркса найдешь?». Это воспоминание об одном моменте такого критического удара по сознанию в противовес тому, что говорилось. Презирал работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», иначе ее не называл как «Мцизм-мцизм». «Ты пробовал, — он меня спрашивает, — когда-нибудь читать Маха и Авенариуса?». Я говорю — «не пробовал». Он говорит: «Попробуй. Они на десять голов выше Ленина, который их критикует. Критикует он Богданова. «Ты читал Богданова?» и г.д. А потом мне в руки попала книжка Богданова против книги Ленина «Материализм и эмпи-

риокритицизм», и я понял, насколько Саша был прав. Я хочу сказать, что он привлекал неожиданностью, своим углом зрения на изучаемые предметы, казалось бы выверенные и проверенные, и утвержденные и т.д. И это наиболее способных и критически настроенных ребят, желающих знаний, к нему привлекало. Вокруг него всегда собирались, если он где-то в аудитории или на улице, но на улице меньше. На улице он не любил ходить гуртом. А потом отобралось среди них несколько людей, которых он обучал диалектической логике. Фактически он прочитал им, но не систематически, в виде лекций, а прочитал свою книгу как курс диалектической логики, вот эту самую диссертацию он прочитал. В число этих людей входили Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Борис Грушин. В основном, эти трое. В какой-то степени заглядывали «на огонек» и другие. И все вообще на факультете знали, что вот есть такой вот с виду вроде бы невзрачный парень, философ, который умеет думать по-своему. Это задевало всех. Они могли не вникать в то, что он именно говорит и чему он обучает и с чем он не согласен. Но что вот есть такой вот с виду вроде бы невзрачный человек, который умеет мыслить. Умение самостоятельно мыслить — это была черта, которая к нему привлекала и студентов, и аспирантов, надо сказать. Иногда преподавателей, того же Алексеева, который прислушивался к тому, что говорит Зиновьев. Очень уважительно к нему относился Асмус, бесспорно совершенно. Они замечали — это талант. На третьем курсе уже все видели, что он не как все, другие.

Когда появился автореферат диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному» на материале «Капитала» Маркса, все бросилось на него. Потом назначается день, день защиты. Комната, где шла защита, небольшая была, ну, там человек на тридцать, она битком набивалась, человек до ста стояли, прижавшись друг к другу. И что всегда отличало Сашу — сохранять спокойствие, что бы ни говорили, как бы ни говорили, у него всегда был четкий, ясный ответ на все вопросы, которые задавали члены Ученого совета. «Ну, а как же Ленин скажи, а как же то, а как же это?» Он спокойно отвечал и замолкал. А потом шло голосование — диссертация проваливается. В коридорах люди стояли, ждали результата. Его чуть не на руках выносили, как триумфатора, хотя его только что завалили, а он выглядел, в глазах уже так сказать, расширившегося числа его почитателей и ценителей как триумфатор. Он действительно был триумфатором, так оно и было. И в свое время занимался Чернышевским и знал, что примерно так проходила защита Чернышевского, его диссертации об эстетическом отношении искусства к действительности. И не знаю, сколько — два или три раза, но его тоже засыпали. Ему не давали степени. И потом, каким-то чудом ему эту степень дали. Защита Чернышевским его диссертации была событием философской жизни Петербурга. Это факт. Точно также событием философской жизни Москвы была защита Зиновьева.

вьева. Слух о том, что идет такая защита, очень быстро распространился, приходили студенты. Он защищался три раза. Выступали сами представители Ученого совета и говорили: «У нас все-таки не было единогласного решения. И поскольку решение было не единогласным, и диссертация спорная, у нас есть основание еще раз вернуться и еще раз рассмотреть». Вот так. Но когда последний раз завалили все-таки, третий раз, тогда решили передать в ВАК. И он защищал диссертацию в ВАКе, и комиссией ВАКа там единогласно был утвержден. Паузы между защитами были небольшими. Я, например, помню, что на вторую защиту я привел своего друга Григория Чухрая. «Получишь удовольствие, послушаешь спектакль хороший и с хорошим главным актером — Зиновьевым». Я два момента хочу выделить: не только сам факт защиты, а то, что ей предшествовало, то внимание, которое он к себе привлек, те последователи, которые у него возникли, умение убеждать в необычных своих мыслях. Это ему было дано, дано еще студенту.

Сам Зиновьев был горд тем, что он сделал, он понимал значение своего открытия. Работа эта и сегодня сохраняет свою ценность и даже актуальность. И, видимо, институт поступает правильно, что не меняет в тексте ни одного слова. Может быть автор сейчас многое исправил, ввел некоторые новые понятия, новые категории. Он бы мог раскрыть кухню того, как он это сделал. Ведь непосредственно в диссертации этого нет. Может быть он это еще сделает. Опубликовать диссертацию важно еще и по той причине, что она оказала огромное влияние на развитие нашей философии. Достаточно сказать, что ближайшие ученики Зиновьева — Щедровицкий, Грушин и Мамардашвили отдельные главы его диссертации развернули в собственные кандидатские исследования. Они просто взяли и расширили. А Мераб сделал сначала кандидатскую, потом эту кандидатскую превратил в докторскую. Рассказывали мне об этом тот же Грушин, или тот же Мераб и особенно Щедровицкий. Щедровицкий его почитал как гения.

Кандидатская диссертация А.А.Зиновьева явилась началом его исключительно богатой по тематике и результатам творческой биографии. Сразу после нее он занялся формальной логикой и своими работами вывел ее на мировой уровень. В художественной литературе он создал новый жанр — социологический роман. В социологии осуществил переворот в понимании советского коммунизма, современного Запада, основных путей социальной эволюции общества. За эти неполные 50 лет, которые прошли после написания и защиты кандидатской диссертации в 1954 году, им написаны многие десятки книг. И тем не менее, на мой взгляд, публикация сейчас, с таким опозданием работы о логике «Капитала» К.Маркса остается одним из самых выдающихся достижений А.А.Зиновьева.

К.М. Кантор

ВВЕДЕНИЕ

Среди выдающихся образцов научного мышления особое место занимает «Капитал» Маркса. В нем классического совершенства достигло диалектическое мышление, — мышление, раскрывающее условия возникновения и существования предмета, его внутреннее строение, взаимодействие его сторон, законы и их проявление, противоречия и их разрешение, изменение, развитие, короче говоря — диалектику предмета. Кроме того, в нем детально зафиксирована работа ума исследователя по раскрытию диалектики предмета. Последнее обстоятельство представляет огромную ценность для науки и мышления: оно облегчает задачу изучения приемов диалектического мышления; более того, оно свидетельствует о том, что задача эта в значительной степени уже выполнена.

Но до сих пор на изучение приемов диалектического мышления обращается мало внимания, и «Капитал» с этой стороны остается не изученным. Причина этого заключается не столько в трудности изучения, сколько в определенной ошибочной концепции, получившей распространение среди отечественных философов.

На известном отрезке истории, — утверждает ряд логиков, — «логический аппарат» человека (приемы, формы мышления) не изменился; в связи с раскрытием диалектики предмета никаких специфических для этой задачи приемов мышления не возникает; в «Капитале», в частности, нет ничего нового по сравнению с суждениями, дефинициями, силлогизмами и т.д., — по сравнению с теми формами мышления, которым дала описание «формальная логика».

Исходя из общеизвестного факта, что приемы формальной логики имеют место в мышлении современных людей и наших предков, в мышлении диалектиков и метафизиков, в мышлении творцов наук и далеких от науки людей, сторонники этой концепции отрицают то особое, что отличает первых от вторых, что образует развитие мышления. Приемы формальной логики превращаются в их представлении в надисторические, безразличные к исследованию предметов средства выражения любого знания о вещах и оперирования готовым знанием, превращаются в нечто совершенно бессодержательное.

Эта концепция логиков нашла поддержку со стороны ряда специалистов по диалектике (специалистов не в смысле мастерства диалектического мышления, а в смысле профессии). Отдав изучение приемов мышления в монопольное ведение формальных логиков, они превратили науки о диалектическом мышлении в кодекс общих законов вещей, в своего рода большую посылку силлогизма по отношению к ча-

ственным наукам. Образцы диалектического мышления использовались ими лишь как «новое подтверждение» существования объективной диалектики. Вопрос о том, посредством каких специфических приемов открывается диалектика предметов, квалифицировался как гегельянская схематизация диалектики. Так сложилась концепция бесформенной диалектики и бессодержательной логики.

Вред этой концепции очевиден: она исключает возможность изучения специфических приемов диалектического мышления, допуская в практике исследований стихийность и случайность, представляя деятелям каждой науки заново вырабатывать приемы, уже выработанные в других отраслях знания.

Признание того, что предметам свойственна диалектика, в данном случае остается чисто номинальным. Сейчас речь идет не о том, что предметам свойственна диалектика — это бесспорно для всякого советского ученого, а о том, как ее раскрыть и воспроизвести в мышлении. Требование «подходить к предметам диалектически», означает лишь самую общую и простую формулировку задач диалектического мышления. Оно говорит о том, что в предметах должен выявиться диалектик: «происхождение, противоречия, изменение» и т.д. Но задача эта может быть реализована лишь посредством обусловленных ею и специфических ей приемов (форм) мышления.

В данной работе мы и рассмотрим специфическую диалектическому мышлению форму — «метод восхождения от абстрактного к конкретному»¹.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному зародился вместе с возникновением современных наук. Но степени зрелости сознательного и развитого способа мышления он достиг лишь при определенных социальных условиях и на определенной ступени развития наук. Впервые это было осуществлено в исследовании Марксом буржуазной экономической системы, итогом которого и явился «Капитал». Учтивая этот факт и те достоинства «Капитала», о которых говорилось выше, мы взяли «Капитал» в качестве основного материала для анализа метода восхождения от абстрактного к конкретному и для соответствующих иллюстраций.

Сознательное применение этого метода было необходимым образом связано с изучением самих приемов мышления. Не случайно поэтому в произведениях Маркса² впервые в науке о мышлении была дана и правильная оценка его. Положение Маркса послужили в данной работе исходными и руководящими принципами.

¹ Маркс К. К критике политической экономии. М., 1949. С. 214.

² «К критике политической экономии». «Теории прибавочной стоимости». «Капитал» и связанные с ним рукописи и письма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Перед исследователем — предмет, представляющий собой органическое целое, или исторически сложившуюся, существующую при определенных условиях, внутренне расчлененную, взаимодействующую в своих элементах, изменяющуюся и развивающуюся систему связей. Например — буржуазная экономическая система. Этот предмет требуется изучить и воспроизвести в мышлении. Как это осуществить: с чего начать, в какой связи и последовательности рассматривать стороны предмета, какие при этом совершать мыслительные операции?

Задача решается посредством особого способа мышления — метода восхождения от абстрактного к конкретному. Для краткости будем называть этот метод одним словом «восхождение».

Специфику поставленной задачи и способа ее решения рассмотрим сначала в самой общей и проблематической форме.

§ 1. Прием или форма мышления

Анализ форм диалектического мышления с самого начала сталкивается с неопределенностью исходных понятий логики. Разработка их не входит в нашу задачу, мы ограничимся кратким определением необходимых для нашей цели понятий исключительно с интересующей нас стороны.

Выделение в предмете какой-либо его стороны и фиксирование ее в речи есть абстракция. «Сторона» — все, что может быть отвлечено в предмете, начиная от чувственных свойств (черный цвет, например) и кончая целыми «отделами» жизни предмета (обращение капитала, например).

При характеристике процесса абстракции необходимо указать:

1) задачу процесса, т.е. что в предмете отвлекается; или — результат процесса, который является реализованной задачей;

2) как, какими средствами осуществляется отвлечение; в частности — от чего приходится отвлекаться, какова судьба этих оставляемых без внимания явлений, обосновывается отвлечение или является следствием какого-то другого процесса и т.д.

3) какие при этом возникают субъективные противоречия и в какой связи они разрешаются.

Так как науку о мышлении интересует общее в частных процессах абстракции, то указание этих черт дает описание типа, вида или формы абстракции.

В дальнейшем нам придется сталкиваться с типом абстракции, изучаемым формальной логикой. Его мы будем называть «элементарной абстракцией». С точки зрения указанных выше принципов элементарную абстракцию можно охарактеризовать (в самом общем виде) таким образом.

Задача элементарной абстракции — выделить в предмете какую-либо его сторону. Выделение совершается путем сравнения ряда предметов, существующих наряду и в последовательности, и фиксирования общего (сходного) для данного круга предметов свойства. При этом происходит отвлечение от различий предметов в данном отношении. Те свойства, от которых происходит отвлечение, могут быть выделены как общие в других процессах абстракции, но тогда произойдет отвлечение от первого (как общего, особого, различного в этом новом аспекте сравнения). Но в данном процессе эти свойства мысленно «отбрасываются» или вообще не замечаются. Результат абстрагирования — фиксирование общего свойства ряда предметов — ничего не говорит об особых свойствах этих предметов. Роль элементарной абстракции заключается как раз в отвлечении от особого (от различий) и фиксировании общего (сходного). Например, абстракция «полезность» фиксирует одну сторону всякого предмета потребления — способность удовлетворять какую-либо потребность человека. В процессе ее выработки происходило отвлечение от индивидуальных особенностей (различий) отдельных предметов потребления и их видов. Особые свойства были «отброшены». Хотя разнообразие полезностей и есть условие выработки этой абстракции, сама абстракция о их различиях ничего не говорит. Наоборот, о каждой полезности, как бы она ни была богата свойствами, с помощью данной абстракции можно сказать лишь то, что она — полезность, т.е. указать общее.